

Непродажная «Таганка».

или Последний спектакль Юрия Любимова

Ком. правда. - 1992 - 18 янв.

Кумиры рушатся со стоном. И как ни желанна новая жизнь, крушение прежних идеалов оставляет труднозаживающие рубцы в душе общества.

Сегодня к ним прибавился еще один. «Таганка».

Собственно, театр Высоцкого и Любимова давно перестал быть меккой. Хотя еще долго служил прекрасной памятью всему достойному и правдивому. И все ждали — вернется Юрий Любимов, тогда...

Любимов вернулся.

И... ничего. Кроме газетных публикаций о том, какие горизонты откроются в неопределенном будущем.

Сегодня, похоже, это будущее пришло. Во всяком случае в недавнем своем интервью Юрий Любимов заявил, что приехал «для того, чтобы встретиться с Поповым по вопросу приватизации театра». А на закономерный вопрос — почему при нем театр дошел до нынешнего его состояния, добавил: «Театр — не богадельня... Почему я должен обеспечивать людей в полном расцвете сил и энергии?»

Ответная реакция артистов не заставила себя ждать, но им подробнее разъяснить свои слова Юрий Петрович не стал.

— Мы лишь стороной слышим, — говорит Леонид Филатов, — что вот-вот подписывается контракт, задумываются какие-то реорганизации, увольнения... Конечно, это право руководителя, но если бы он жил здесь, нашу еду ел, разделял с нами тяготы в умирающем театре и в обезумевшей стране. Но этично ли, находясь за границей, устраивать операцию с запрограммированным летальным исходом? Что это за операция такая накануне конца света? Зачем затевать реорганизации, перспектив у которых нет — потому что он опять уедет, и опять надолго, и все это знают.

Собственно, сам текст «контракта», а точнее, некоей информации о намерениях (ибо документ написан без соблюдения каких-либо юридических стандартов), не дает оснований занодосить Юрия Любимова в коварных замыслах. В нем значится лишь: «...Все заключенные контракты в рамках международных

должны состояться без вмешательства города и министерства и должны быть утверждены без согласования. 3. Если назначена будет приватизация театра, у меня должно быть право приоритета покупки или создания акционерного общества с правом привлечения иностранных коллег по моему выбору...»

Однако многие артисты, узнав о контракте, проявили вполне здоровое беспокойство за свою судьбу — и на фоне газетных высказываний Любимова оно им кажется далеко не беспочвенным. Тем более что не совсем понимают, какой еще власти над ними не хватает сегодня ему — главному режиссеру, художественному руководителю, директору театра и прежде всего Мастеру, чей творческий авторитет не подвергается сомнению:

— Я, — говорит актриса Елена Габец, — не понимаю, почему гениальный режиссер Любимов не хочет оставаться художником, заниматься творчеством, как Мастер возрождать театр? А хочет заниматься приватизацией, акционированием, решением судеб и т. д.

— Почему не заняться творчеством? — как-то очень горько спрашивает Леонид Филатов. — Почему не сделать спектакль? Не может здесь подолгу жить — приоровимся, попробуем быстро респектировать, как на Западе. Ну об искусстве-то хоть немножко! Нет, все о капитализме, о положении в стране, пе-

ресказы статей из «Московских новостей»...

Очевиден здесь и другой аспект: на приватизацию заявлен не просто театр, а Театр на Таганке.

— Контракт, — высказывает мнение Елена Габец, — это сложное обговаривание интересов всех сторон. У артистов они тоже есть. Да и не только у артистов. У культуры русской, у народа. Нельзя в один день росчерком пера превратить историю театра в предмет частных взаимоотношений между Гавриилом Харитоновичем и Юрием Петровичем или Юрием Петровичем и трупой.

Впрочем, главная потеря, кажется, состоялась.

— Словом, у меня ныне чувство ужаса, горечи и жалости, — рассказывает Леонид Филатов. — Конечно, Любимов — гений, он останется в истории. Но так, видно, распорядилась судьба, что теперь у нас проблемы с Отцом. Актеры позволяли ему все, они его любили, обожали, получали очередную порцию хамства и прощали. Считали: пока не опустится занавес, мы должны быть с ним.

Но получилось, что он не с нами. Что бы он там ни рассказывал, я не думаю, чтобы он мог внятно объяснить, зачем на фоне этой чумы, которая происходит в стране, живя там, в благополучной ситуации, упразднить театр-символ, затевать всю эту дележку на чистых и нечистых, на кайнов и авелей, одни из которых должны иметь работу за счет других. В чем вино-

ваты артисты? И не просто артисты, а именно эти, столь много и для него лично сделавшие: они таскались по начальству, защищали, не спали ночами, противостояли, когда надо было. Они делали многое, не получая ничего. В этом театре вообще никогда не работали за деньги. Работала любовь, работала команда. Они не ждали за это даже нравственной платы. И вот теперь, когда им по пятьдесят лет, он решил, что им надо умирать. Умирать раздельно.

Когда умирает «Таганка», что-то умирает вообще. И ты оглядываешься с удивлением, вдруг обнаруживая: где громко, где тихо, но ушли практически все духовные символы нашего прошлого. Скандалы и распады затронули самые звучные театры — от МХАТа до Большого. Писательская совесть нации загрязнена плевками и следами каблуков, которыми награждали друг друга бывшие «инженеры человеческих душ». Трудноопределимый, но явный кризис затронул интеллигентские газеты: вроде бы ничто не изменилось, а не читают их!

И кажется, все это больше, чем просто отмирающие символы отмирающей эпохи. За ними стоит смерть советской интеллигенции. Именно советской — той самой, что должна была сменить и сменила прежнюю, русскую.

А. ЦЫГАНОВ.

На снимке: Ю. ЛЮБИМОВ на репетиции. Счастливые 80-е

Фото Ю. ФЕКЛИСТОВА.

